

© 1993 г. Л. ХЕЙМСОН*

ОБ ИСТОКАХ РЕВОЛЮЦИИ

Каждое поколение воспринимает и интерпретирует прошлое на базе тех концепций, тех ценностей, того мировоззрения, которые определяют его отношение к окружающему его современному миру. Известный американский историк Карл Беккер суммировал ретроспективный характер этого процесса, включая перемены в представлениях как о причинах и следствиях, так и о характере и значении исторических явлений и событий, в следующей фразе: «Каждое поколение рождает своих собственных историков». Не случайно Беккер был специалистом по истории менталитетов эпох Американской и Французской революций, а революции являются, или, во всяком случае, воспринимаются как переломные моменты в развитии исторических процессов. Добавим к этому наблюдению одно замечание. Оно заключается в том, что перемены в нашем восприятии и интерпретации прошлого происходят не только из-за чисто субъективных моментов, т. е. вследствие изменения менталитетов каждого поколения, но также и сам ход исторических процессов влияет на понимание характера и значения прошлых событий. Американский философ А. Н. Уэйтхед заметил, что само развитие событий влияет на определение характера прошлого.

Поясню это парадоксальное наблюдение некоторыми иллюстрациями. Опыт Великой французской революции, например, не только предстает иначе, но действительно принимает другой характер и иное значение, когда он оценивается с учетом периода Реставрации. Этот опыт также воспринимается по-другому при учете событий революции 1848 г., в отличие от времени правления Луи Филиппа, и в свете развития III Французской республики по сравнению с правлением Наполеона III. Поэтому каждому поколению, связанному с этими переменами французской истории, не только хотелось, но было необходимо раскрыть и определить для самих себя смысл и значение событий Французской революции. То же можно сказать и относительно таких переломных моментов в русской истории, как реформы Петра Великого или Великие реформы 60—70-х гг. XIX в.

Оба отмеченных нами момента — объективный и субъективный — характерны для нашего современного восприятия событий революции 1917 г. Но, чтобы объяснить несбалансированный характер этого восприятия, надо сказать о двух аспектах кризиса современной российской историографии по этой тематике.

Во-первых, процесс переоценки революций 1917 г. происходит в период нового и не менее резкого перелома в историческом развитии России. Психологический шок, переживаемый в связи с этим новым поворотом событий, является особенно сильным для современного российского общества, в том числе для его историков, из-за того, что развитие советского режима и революционные процессы, открывшие ему дверь, воспринимались в течение 70 лет его истории как радикальный и беспрецедентный перелом в истории России и всего человечества. Сторонники советского режима, особенно в

* Хеймсон Леопольд, профессор Института Гарримана при Колумбийском университете (Нью-Йорк, США).

Сталинскую эпоху, представляли себе его развитие как процесс создания совершенно нового общества и видели новую роль в нем человека. Оппоненты советского режима воспринимали этот процесс как страшную антиутопию, как создание безусловно новой, тоталитарной формы государства, новых политических, социальных и экономических отношений.

Не случайно мы замечаем сейчас в научных дискуссиях о революциях 1917 г. тенденцию представлять весь советский период как гигантское искажение, которое надо вынести за скобки, интерпретируя прошлое и прогнозируя будущее развитие России. Но если это так, то как нам относиться к революциям 1917 г., которые стали преддверием этой антиутопии, и особенно к истокам этих революционных процессов в предшествующем историческом развитии страны?

Еще одна черта, характерная для кризиса современной российской историографии,— существенная ломка прежних теоретических схем и концепций и, что более важно, образа мышления советских историков, определяющего их подход к анализу исторического развития. Наиболее наглядно кризис мышления проявился в утрате веры в те понятия о непреложных исторических законах, при помощи которых целые поколения советских историков были вынуждены анализировать динамику исторических процессов. Обесценивание этих концепций фундаментальных механических исторических законов в тех формах, в которых они были использованы советскими учеными, обнаружило достаточно глубокий кризис российской историографии.

В этой связи заметим, что в разных формах подчеркивание исторических закономерностей было характерно для всего развития исторической науки в России, и более того, для формирования мировоззрения русской интеллигенции, включая ее представление о будущем. Поэтому дискредитация концепции непреложных исторических законов, особенно при психологической ломке, вызванной падением советского режима, привела к полной потере веры в концепции исторических закономерностей, с которыми все развитие российской историографии было так тесно связано, и эта потеря веры особенно сильно ощущается сегодня в кризисном состоянии российской историографии.

Из-за утраты веры в закономерности исторических событий, отсутствия других удовлетворительных теоретических концепций в современной российской историографии образовался вакуум, чем и объясняется появление таких стереотипов в интерпретации исторических процессов, как сведение объяснения Октябрьского переворота к заговорщической деятельности большевиков, объяснение истоков Февральской революции как следствия подпольной деятельности масонов, не говоря уже об объяснении падения царского режима прекращением проведения столыпинских реформ вследствие внезапной смерти премьер-министра от рук террористов в 1911 г.

Задача данной статьи состоит в том, чтобы попытаться представить альтернативу концепции непреложных исторических законов, а также любым односторонним концепциям исторических закономерностей при анализе истоков революционных процессов 1917 г. Хочу сразу подчеркнуть, что этот подход не является моим открытием. Такая интерпретация истории предложена известным французским историком Фернаном Бродемом. Суть этого подхода заключается в попытке рассматривать динамику исторического развития как отражение взаимодействия более длительных и кратковременных исторических процессов.

В этом взаимодействии надо отметить объективные и субъективные аспекты. Прежде чем коснуться объективных аспектов динамики этих более длительных и кратковременных процессов, надо обратить внимание на протяженность и взаимодействие политических, социальных и экономических структур и конъюнктур, а также на роль определенных событий, поскольку каждое из них по-своему отразилось на историческом развитии. С субъективной точки зрения важно остановиться на развитии менталитетов, т. е. на переменах в наиболее

стабильных, трудно поддающихся изменению аспектах психологических ориентации и ценностей социальных групп и индивидуумов; на переменах в их «умонастроениях», т. е. на менее стабильных и быстро меняющихся аспектах этих психологических ориентации, которые чаще всего связаны с переменами в конъюнктурах; и последнее — на самых кратковременных переменах в этих ориентациях, толчком к которым чаще всего являются, особенно в революционных ситуациях, определенные события.

Хочу еще раз подчеркнуть, особенно учитывая современное восприятие революций 1917 г., что в нашем анализе истоков этих революционных процессов надо обратить особое внимание на субъективные аспекты дореволюционных процессов, т. е. на восприятие и ориентацию самих участников этих событий.

Касаясь характера и следствий наиболее длительных объективных и субъективных процессов в динамике исторического развития дореволюционной России, отметим сочетание пережитков полукрепостного строя и сословных отношений с элементами модернизации социального, экономического, культурного и политического развития страны. С социальной точки зрения это сочетание выражалось в том, что в российском обществе сохранялись остатки сословной и кастовой системы, особенно во взаимоотношениях верхов и низов общества.

В экономике несомненное развитие рыночных и так называемых капиталистических отношений сочеталось, особенно в Центральном аграрном районе России, с докапиталистическим, полукрепостническим функционированием крестьянского двора и помещичьим землевладением.

В политической жизни эти остатки докапиталистического периода сказывались не только в преобладающей роли государственного аппарата, где доминировали представители дворянского сословия, но также, особенно после столыпинского переворота 3 июня 1907 г., в численном перевесе крупных землевладельцев в центральных и местных представительных учреждениях, включая и Государственную думу.

Из-за этих остаточных явлений полукрепостного строя и сословных отношений, из-за неравномерности развития равных слоев российского общества можно отметить два аспекта поляризации в социальной и политической жизни дореволюционной России. Первый заключался во взаимоотношениях деревни и города, или, точнее говоря, крупных городских, торговых и промышленных центров. Второй — в поляризации между «низами» и «верхами» городского и деревенского населения.

Свою концепцию о развитии этих двух процессов поляризации и о политических и социальных формах, которые они принимали в последние годы существования царского режима, я изложил в своих работах. Не стану повторять приведенные в них положения, но остановлюсь на тех наиболее существенных аргументах, которые приводили некоторые западные ученые, критиковавшие мою интерпретацию кризисных моментов в истории России накануне первой мировой войны.

Суть этой критики заключалась в том, что социальные и культурные грани и барьеры, отраженные в процессах поляризации, а также, как следствие, политические и социальные конфликты якобы резко уменьшались, если не исчезали совсем, под воздействием быстрой и значительной модернизации, которая охватила российское общество в предвоенные и предреволюционные годы.

Оставим пока в стороне вопрос о характере политического развития страны в предвоенные годы. Остановимся сейчас на некоторых убедительных признаках экономической, социальной и культурной модернизации, которые, как подчеркивали мои критики, несомненно, имела место в России в тот период. Во-первых, это новый подъем в развитии российской промышленности начиная с 1910—1911 гг. По сравнению с промышленным подъемом в 1890-х гг. он

гораздо более равномерно охватил тяжелую и легкую промышленность и менее зависел от прямых и косвенных субсидий и контроля государственной казны. Второй бесспорный аспект модернизации российского общества — культурное развитие, и прежде всего резкое повышение уровня грамотности, особенно молодого поколения (включая женщин) как в городе, так и в деревне, частично благодаря активной деятельности, проводимой в этой области органами самоуправления.

Вполне признаю значение этих и других признаков модернизации, но сделанное моими критиками оптимистическое заключение относительно политического развития страны мне представляется более чем сомнительным, поскольку сравнительно-исторический анализ показывает, что революционные ситуации развиваются не в обществах, отличающихся полным застоём, а в обществах, испытывающих сильные политические и социальные противоречия, которые вытекают из самих процессов модернизации, как мы наблюдаем на примере дореволюционной Франции в XVIII в.

Попробуем сконцентрировать внимание на слоях российского общества, наиболее вовлеченных в процесс модернизации и наиболее сильно испытывающих социальные и психологические последствия. Еще в конце XIX в. мы замечаем признаки того, что начался процесс, который западные общественные науки называют «revolution of rising expectations» — резкое повышение уровня социальных ожиданий и требований, а также общее недовольство своим положением среди населения больших городов и крупных промышленных и торговых центров России.

Недовольство выказывалось не только среди кругов профессиональной интеллигенции, но еще до конца XIX в. — среди крупной буржуазии, точнее говоря, среди купечества Центрального Промышленного района. Нужно только напомнить в этой связи о знаменитом заявлении председателя Нижегородской ярмарки в 1897 г., что, придя на смену паразитическому российскому дворянству, купечество стало первым сословием страны и должно быть признано таковым за заслуги в экономическом развитии Отечества и увеличении его богатства и благосостояния. В течение предвоенного времени эта «революция в ожиданиях и амбициях» приняла форму радикальной политической оппозиции существующему режиму, но вряд ли можно отрицать связь между этим явлением социального, экономического и даже культурного самоутверждения московского купечества в начале века и тем политическим настроением и формой поведения молодого поколения накануне первой мировой войны.

Точно так же уже с середины XIX в. можно проследить проявления «революции в ожиданиях» в рабочем движении, принявшем с начала XX в. резкие политические и социальные формы. Это — протесты против «грубого» и требования «вежливого» обращения, выраженные в рабочих конфликтах уже во второй половине XIX в. и участвовавшие на протяжении стачечной волны 1905—1907 гг., а также широко распространившиеся забастовки предвоенного периода. (После Ленских событий эти требования в отчетах фабричных инспекторов нередко квалифицировались как главные причины рабочих конфликтов.)

Упоминание о «грубом обращении» подразумевало жалобы на мастеров и других представителей администрации предприятий, на применение ими физической силы, употребление мата, на сексуальные посяательства по отношению к работницам, на отказ прерваться на обед или на отлучку в уборную и в целом жалобы на то, что с рабочими обращаются как с «детьми», «рабами», «крепостными», «вещами», а не как с людьми.

Но обратим особое внимание на слова «вежливое обращение». Они подразумевали настойчивое требование со стороны рабочих, чтобы мастера и другие члены администрации завода обращались к ним на «Вы», а не на «ты», т. е. рабочие возражали против формы обращения, которая использовалась

по отношению не только к своим близким, но и была языком господина со слугой, помещика с крестьянином.

Вряд ли можно отрицать, что отмеченное выше свидетельствует о растущем протесте против остатков патриархальных и полукрепостнических отношений, против проявлений «субординации», которые характерны даже для модернизирующихся слоев дореволюционного российского общества. Эти психологические и социальные моменты «революции возрастающих требований и ожиданий» проявились особенно заметно среди наиболее грамотных, наиболее урбанизированных слоев рабочего класса, среди его молодого поколения. Именно эти слои большей частью были застрельщиками стачек, предвоенных политических забастовок и демонстраций.

Остановимся еще на одном любопытном психологическом анализе требований «вежливого обращения». В основном, конечно, подразумевалось то, чтобы мастера и другие представители администрации обращались к ним «культурно», как это было принято среди членов цензового общества. Но вместе с тем требование рабочих обращаться к ним на «Вы» отражало их желание, чтобы мастера и администрация признали социальную дистанцию между собой и рабочими в том смысле, что последние принадлежат только самим себе.

В рабочем движении, как и в выступлениях других социальных групп, восстающих против кастового подчинения, этот психологический момент, казалось, выражался во внешне противоречивых требованиях: и равных прав, и признания их обособленности от более привилегированных слоев общества. И это требование равенства, но также и самостоятельности продолжало оставаться у представителей рабочего движения и наиболее прогрессивных элементов либеральной оппозиции и добровольных организаций во время первой мировой войны и внесло свой вклад в развитие революционных событий 1917 г.

Характер старых, а также новых административных и политических институтов России того времени ограничивал возможность разрешения усиливавшихся социальных трений и конфликтов мирным путем. Говоря о старых административных и политических структурах, достаточно напомнить, что органы местного управления и самоуправления, особенно в деревне, сохранили сословный и, по существу, кастовый характер, который они приобрели еще в период контрреформ 1880-х гг. Правда, Столыпин, особенно в первые годы своего министерства, настойчиво стремился провести реформы органов местного управления и самоуправления. Главная его цель заключалась частично в создании более эффективной и централизованной структуры органов управления, а также в реформе органов самоуправления на местах, которые ликвидировали бы или, во всяком случае, ослабили чисто сословные и кастовые черты. Эта цель была особенно заметна в проектах создания всесословных волостных органов самоуправления и всесословного сельского общества, которые вместе со столыпинскими проектами аграрных реформ покончили бы с замкнутостью крестьянских учреждений и тем самым с обособленностью крестьян от других слоев российского общества.

Почти все без исключения проекты местных реформ провалились. Отчасти это произошло из-за упорной оппозиции крупных землевладельцев-дворян и придворных кругов, особенно в Совете по делам местного хозяйства, который был созван для обсуждения этих проектов. Но чтобы объяснить провал этих и других начинаний реформаторской деятельности Столыпина и вызванного этим политического кризиса, надо рассмотреть ту роль, которую сыграла сама новая политическая система, установленная после революции 1905 г. и переворота 3 июня 1907 г. В этой связи уместно напомнить о том, что состав Государственного совета, который должен был утвердить законопроекты Государственной думы, олицетворял собой смесь бюрократических, сословных и «плутократических» черт. Существовала также сохранившаяся в законода-

тельстве неопределенность в функциях «объединенного правительства», особенно в его отношениях с государем и с представительными учреждениями. И, как мы уже отметили, в избрании самой Государственной думы после столыпинского переворота преобладающую роль играли крупные дворяне-землевладельцы.

Можно без преувеличения отметить, что еще до убийства Столыпина наметился полный крах столыпинской системы, и политическая жизнеспособность самого премьера была поставлена под вопрос. Важнейшим признаком этого краха был, на мой взгляд, провал проекта местных реформ, от которых зависело создание структур самоуправления, совместимых с процессами социальной, экономической и культурной модернизации дореволюционной России. Но крах столыпинской системы и карьеры самого Столыпина стал еще более очевидным после того, как в результате кризиса из-за западного земства было потеряно взаимное доверие, от которого в конечном итоге зависели отношения Столыпина как с государем, так и с большинством депутатов «Союза 17 октября» в III Государственной думе. Не зря Столыпин как будто сказал во время аудиенции у государя незадолго до своей смерти, как записала его супруга: «Моим жиром можно будет еще лет пять продержаться». Не зря, потому что крах столыпинской системы во многом уже определил характер дальнейшего политического кризиса в течение предвоенных и военных лет, и в частности характер кризиса верхов того времени. Пользуясь предложенной в начале статьи терминологией, этот кризис следует отнести к среднесрочным (конъюнктурным) факторам истории России.

Первые признаки будущих социальных, политических и экономических трений и конфликтов и нового роста оппозиционного и революционного движения появились еще до смерти Столыпина, но не сразу приняли угрожающие формы.

Что касается надвигающегося кризиса «низов», то первые признаки его проявились уже в 1911 г. в заметном оживлении стачечного рабочего движения в крупных городах и промышленных центрах. (Это явление было тем более любопытным из-за полного краха стачечного и рабочего движения в 1908—1910 гг. после поражения первой российской революции.) В течение 1911 — начала 1912 г. возрождение стачечного движения принимало форму почти исключительно экономических забастовок и интерпретировалось современными наблюдателями как результат влияния нового промышленного подъема на настроения и поведение рабочих.

Уже в 1910—1911 гг. заметно повысилось оппозиционное настроение среди интеллигенции, общественных и профессиональных организаций, студенчества (особенно Петербурга и Москвы).

Характер и формы, которые приняло развитие политического и социального кризиса в предвоенный период, стали проявляться только в 1912 г. Толчком к подъему стачечного рабочего движения послужили Ленские события: известие о расстрелах рабочих Ленских приисков, дебаты по этому поводу на сессии Государственной думы, включая доклады министров царского правительства, стремившихся оправдать действия подчиненных им органов власти. Эти дебаты, особенно знаменитая заключительная фраза доклада министра внутренних дел Макарова «так было и так и будет впредь», описание самих событий стимулировали взрыв волны забастовок протеста и солидарности, беспрецедентных по своему размаху, за исключением, может быть, только реакции рабочих на расстрелы в Кровавое воскресенье 9 января 1905 г.

Остается добавить, что частично из-за внутренней динамики стачечной волны, частично из-за растущего сопротивления со стороны государственных органов и предпринимателей в этом движении происходило соединение социальных, экономических и политических мотивов. В среде наиболее возбужденных слоев молодого поколения рабочего класса борьба принимала характер и

формы выступлений против всех органов власти и всех остатков кастовых и патриархальных отношений, включая собственные семьи.

Перейдем ко второму аспекту этого кризиса — дальнейшему росту либерального движения и характеру, который оно стало принимать накануне войны. Толчком этому движению послужили выборы в IV Государственную думу летом 1912 г. Кадеты, преувеличивавшие возможное воздействие на умеренные слои общественности идеи провала столыпинской системы и тем самым ослабление близко связанного со Столыпиным «Союза 17 октября», вели особенно энергичную кампанию на выборах в надежде получить оппозиционное большинство в новой Государственной думе — кампанию на умеренной платформе так называемых «органических» реформ. Они выдвинули ряд якобы «непартийных прогрессивных» кандидатов в надежде собрать голоса не только избирателей в первых городских куриях, но также и голоса более умеренных избирателей землевладельческой курии.

В проведении этой тактики кадеты столкнулись с соперничеством со стороны фракции «прогрессистов», кампания которых была одним из наиболее любопытных моментов этих выборов. В конце 1909 — начале 1910 г. так называемое «молодое поколение» московского купечества под руководством Коновалова и Рябушинского начало энергичную кампанию (главным образом на страницах своего печатного органа «Утро России») в торгово-промышленных кругах Московского Промышленного района для формирования в их среде нового либерального движения. Остановимся только на двух, наиболее близких нашей теме особенностях этой кампании.

Первой из них была попытка убедить круги крупной буржуазии, что они должны принять на себя инициативу в создании нового либерального движения не только для осуществления своих узких экономических интересов, но также и потому, что реализация предполагаемой политической программы — установление законности, предоставление полной свободы слова, печати и собраний — совпадала с национальными интересами и тем самым с интересами буржуазии как ведущего «класса» российского общества, стремления которого не могли не отражать общих интересов страны и не совпадать с ними.

Второй характерной особенностью было то, что экономические интересы московского купечества в легкой промышленности, процветание которой зависело от благосостояния российской деревни, а также исторические связи со старообрядцами приносили в эту кампанию мотивы борьбы за экономическую, религиозную и политическую свободу. Интересно отметить, что эта черта была характерна и для развития либерализма в других странах, особенно в Англии в течение XIX в. Московские «прогрессисты» выставили своих кандидатов в IV Государственную думу в Московском Промышленном районе, соперничая с кадетами в борьбе за голоса избирателей первой городской курии.

Но результаты выборов в IV Государственную думу не соответствовали ожиданиям ни «прогрессистов», ни кадетов и даже вызвали психологический шок у Милюкова. Исходом этих выборов было уменьшение количества депутатов октябристского центра в пользу правых (и в меньшей степени левых) фракций Государственной думы вследствие позиции крупных помещиков, доминировавших в землевладельческой курии. Сразу после выборов Милюков публично признал, что тактика «органической оппозиции», проводимая кадетами в течение избирательной кампании, а по сути и с самого начала заседаний III Государственной думы, оказалась бесполезной при существующей политической системе. Он убедил большинство ЦК и парламентскую фракцию кадетской партии перейти к требованиям более существенных перемен в политической системе, включая реформу избирательной системы, создание министерства, ответственного перед Государственной думой и т. д. (Эти требования были включены в программу кадетской партии с самого начала ее существования, но были отложены в сторону в период III Государственной думы, частично

под влиянием того же Милюкова.) Милюков предложил теперь тактику «декларативной оппозиции», которая заключалась в попытке убедить большинство думских депутатов отказаться от утверждения государственных бюджетов до проведения этих политических реформ. Милюков не объяснил до конца, как эта тактика могла бы быть осуществлена при отсутствии оппозиционного большинства в Государственной думе, но как будто возлагал свои надежды на мобилизацию общественного мнения и его давление на думских депутатов.

На совещании своих депутатов осенью 1912 г. фракция «прогрессистов» также перешла на сторону «декларативной оппозиции» для осуществления собственной версии политических реформ. Но уже в этот период ее лидеры отличались от лидеров кадетской партии своей готовностью вести переговоры о формировании коалиции с крайними левыми. Во всяком случае, уже в конце первой сессии IV Государственной думы «беззубость» новой тактики «декларативной оппозиции», предложенной Милюковым, была очевидна из-за отсутствия необходимого для ее проведения большинства среди депутатов. Последним ударом стал раскол парламентской фракции октябристов. На конференции «Союза 17 октября» летом 1913 г. Гучков также предложил Применить тактику «декларативной оппозиции» и убедил большинство участников конференции поддержать его. Но с началом осенней сессии Государственной думы преобладающее большинство депутатов «Союза 17 октября», от которых зависело проведение более решительной политической линии, отказалось от нее. Конфликт по этому поводу закончился расколом фракции на три части: «земских», «левых» и, немного позднее, «правых» октябристов. Только незначительное число левых октябристов поддерживали позицию Гучкова. Имея в виду характер и результаты выборов в IV Государственную думу, вряд ли можно сомневаться, что позиция громадного большинства октябристских депутатов была гораздо ближе к настроениям их избирателей, чем позиция Гучкова.

Эти события открыли дверь настоящему политическому кризису как между существующими течениями и политическими партиями, так и внутри этих партий. Углубление кризиса произошло, когда наиболее радикально настроенные элементы либеральной оппозиции, в том числе «прогрессисты» и левые кадеты, стали настаивать на том, что единственным выходом из тупика, создавшегося в Государственной думе, могут быть только согласованные с крайними левыми непарламентские способы борьбы против существующего режима. Использование этих более решительных способов — демонстраций либерально настроенных общественных и профессиональных организаций, политических стачек и демонстраций рабочих — должно было привести к существенным политическим переменам.

По этому поводу возникли серьезные дебаты в ЦК кадетской партии, которые с начала 1914 г. приняли особенно резкие формы. Следует коротко изложить суть этих дебатов, так как они рельефно показывают различия в умонастроениях и восприятии политической ситуации либералов того времени. Милюков и его сторонники выступили против предложения левых кадетов. Их возражения сводились к следующему: Милюков говорил о неосуществимости тактического плана, предложенного левыми и напоминающего тактику «Союза Освобождения» в его попытке организовать всенародную борьбу против самодержавия накануне революции 1905 г. «Освобожденцы» старались организовать и объединить разные социальные группы, между которыми уже выявились резкие трения и конфликты. При таких обстоятельствах любые попытки организовать всенародную коалицию против царского режима были бы не только обречены на провал, но могли привести к катастрофическим последствиям.

Возможны были два варианта таких последствий. Первый заключался в том, что проведение подобной тактики дало бы повод наиболее реакционным

силам в правительственных кругах и окружении государя начать жестокие репрессии и даже произвести переворот для осуществления перемен политического строя, включая отмену законодательных прав Государственной думы. Но даже если бы правительство не решилось на переворот или не успело его осуществить, дальнейшее развитие событий было бы не менее катастрофическим. Оно пошло бы на пользу крайним левым течениям, а победа крайних левых, в свою очередь, это социальные взрывы в низах российского общества, напоминающие разрушительную стихию смутных времен XVII в. Окончательным результатом этого взрыва явилось бы не только свержение царского режима, но и уничтожение всех достижений современной русской культуры, ее либеральных ценностей, представляемых кадетской партией.

Лидеры левых кадетов (ничтожное меньшинство в ЦК кадетской партии) Некрасов и Колубакин приводили в ответ аргументы, смысл которых заключался в том, что катастрофический сценарий, нарисованный Милюковым, действительно стал бы неизбежным, но только в том случае, если бы лидеры либеральной оппозиции отказались в решительный момент от руководства всенародным движением и тем самым от попытки контролировать его дальнейшее развитие.

Растущее упорство, с которым Милюков и его оппоненты в ЦК кадетской партии отстаивали свои взгляды, отражало две важные стороны растущего политического кризиса.

Во-первых, стачечная волна и рабочее движение приняли накануне войны острый политический характер, на который огромное влияние имела пропаганда большевиков. Главной причиной успеха большевиков было то, что из-за внутренней динамики развития стачечного движения, о которой я писал ранее, их лозунги и воззвания все более и более совпадали с умонастроениями самих рабочих. Возрастающая роль, которую большевики играли в формировании умонастроения рабочих и в их действиях, объясняется двумя моментами их агитационного и организационного подхода.

Первым фактором влияния большевиков была сама та картина динамики революционных процессов, и выдвигаемой большевиками стратегии, которую Ленин нарисовал летом 1913 г.: возрастание стачечной волны, кульминацией которой станет проведение всеобщей политической забастовки и вооруженного восстания для свержения самодержавия и создания демократической республики. Эта стратегия вряд ли могла бы быть реализована при существовавших в то время политических условиях, как и показал опыт всеобщей политической забастовки в Петербурге накануне войны. Но каждая забастовка — независимо от ее характера и ближайших результатов — представляла собой в глазах ее участников значительный шаг вперед, навстречу светлому будущему.

Второй фактор — это систематическое и последовательное использование большевиками всех легальных организаций рабочего класса и контроль над ними. Но самым важным в распространении большевистского влияния на местах была агитационная и организационная деятельность шестерки большевистских депутатов, которые, благодаря их парламентской неприкосновенности, стали настоящими лидерами своих избирателей.

Растущий политический кризис, отраженный в дебатах внутри кадетской партии, вытекал из обострения (особенно с осени 1913 г.) конфронтации между правительством и самим государем, с одной стороны, либеральной и революционной оппозицией — с другой. Правительственные круги, и в особенности Министерство внутренних дел и подчиненные ему органы Департамента полиции, с растущим опасением следили за усилением рабочего движения и успехами большевиков, в частности, в их пропагандистской деятельности легальными средствами. Это повлекло за собой взрыв произвола со стороны Министерства внутренних дел и Департамента полиции. Вопреки существующим законам они обрушились с репрессиями на профсоюзы, рабочую прессу и другие органы легального рабочего движения, а также и на другие

оппозиционно настроенные общественные организации. Начиная с осени 1913 г. Министерство юстиции начало подготовку законопроектов по ограничению прав свободы прессы и парламентской неприкосновенности, что использовали депутаты Государственной думы для проведения политической агитации за стенами Таврического дворца. Более того, среди депутатов думской оппозиции начали распространяться слухи о намерении правительства провести государственный переворот с объявлением чрезвычайного положения в столице, разгоном IV Государственной думы и созданием «совещательной» Думы, т. е. Думы с чисто консультативными, а не законодательными правами. Эти слухи имели основание, так как министр внутренних дел Н. А. Маклаков осенью 1913 г. в самом деле вел на эту тему тайные переговоры с государем. Этим проектам положил конец председатель Совета министров Коковцов после того, как узнал о них по возвращении из-за границы. Они опять возобновились весной 1914 г., уже при министерстве Горемыкина, который будто бы более благосклонно реагировал на предложение министра внутренних дел. Во всяком случае, в конце июня 1914 г., т. е. еще до всеобщей забастовки в Петербурге, был уже подготовлен и напечатан указ, провозглашавший чрезвычайное положение в Петербурге, и для его распространения нужны были только точная дата его объявления и подпись государя.

Учитывая эти обстоятельства, становится понятным то упорство, с которым начиная с осени 1913 г. обе стороны внутри ЦК кадетской партии защищали свои точки зрения. Так или иначе, возражения Милокова и большинства ЦК кадетской партии против проведения предложенной левыми кадетами и «прогрессистами» решительной тактики были поддержаны в июне 1914 г. на конференции кадетской партии громадным большинством ее участников.

Что касается «прогрессистов», то Коновалов и его сторонники еще осенью 1913 г. установили контакты с крайними левыми и даже выдали большевикам значительную субсидию для проведения партийного съезда, запланированного на лето 1914 г. Коновалов, не взирая на отказ кадетов, продолжал зимой и весной 1914 г. свои попытки создания коалиции с крайними левыми. Но вряд ли эти попытки, включая создание им весной 1914 г. «информационного комитета», давали большую надежду для выхода из создавшегося тупика, так как после некоторых колебаний большевики отказались участвовать в такого рода межфракционных объединениях.

Не имеет смысла рассуждать о том, как могли бы развиваться события, если бы Россия не была втянута в мировую войну. Лучше подведем итоги представленного анализа переплетающихся между собой причин предвоенного политического кризиса и попытаемся наметить характер его дальнейшего развития.

Рассматривая развитие стачечной волны и оппозиционного движения среди профессиональной интеллигенции и определенных кругов крупной буржуазии, нельзя игнорировать взаимодействие этих двух течений вплоть до объявления войны. Размах, который рабочее движение приобрело после Ленских событий, безусловно, придал новый импульс оппозиционному настроению среди различных кругов российской общественности, особенно в столицах и крупных городах. Невозможно отрицать и тот факт, что, несмотря на растущие социальные трения и конфликты между рабочими и более привилегированными слоями русского общества, рабочие, проводя стачки и демонстрации, выносили ощущение правоты своих действий в результате признания и даже симпатии, которую они встречали со стороны оппозиционного движения, не говоря уже о том, что рост этого движения служил стимулом в их борьбе.

Но сам характер этой борьбы и та острота, которую принимали конфликты либерального движения с царским режимом, привели к расколу лидеров либеральной оппозиции, что способствовало парализации деятельности Государственной думы и, что более существенно, структур всех политических партий и парламентских фракций.

Развитие оппозиционного и революционного движения явилось причиной наступления кризиса, переживаемого накануне войны системой объединенного правительства и других органов государственной власти. Но чтобы понять истоки этого явления и характер самого кризиса, надо рассматривать его в перспективе более длительных исторических процессов.

С периода контрреформ 80-х гг. XIX в. в функционировании системы управления и самоуправления страны начинает проявляться конфликт между понятием и практикой личной патриархальной власти и авторитета царя и его представителей на местах (в эту систему представлений входили и отношения помещиков с крестьянами), с одной стороны, и безличной бюрократической концепцией государства и государственных интересов, привнесенной в политическую систему Российской империи Петром Великим, — с другой. Обе эти системы сосуществовали друг с другом и в какой-то степени согласованы между собой как в функционировании государственного аппарата, так и органов управления и самоуправления страны. С наступлением периода контрреформ усилился процесс поляризации между концепцией патриархальной власти, поддерживаемой реакционными кругами в правительстве, окружением царя, органами управления и самоуправления, и между концепцией государства и государственного интереса, представляемой более прогрессивными элементами государственного аппарата. В период контрреформ этот процесс поляризации временно сдерживался благодаря личному авторитету Александра III, смешанному составу его правительства и личного окружения. Но при его наследнике, Николае II, эта конфронтация приняла более острые формы и в противоречиях внутренней и внешней политики.

В этой более длительной исторической перспективе кризис правительства накануне первой мировой войны дошел до своей кульминации. Как отмечает Ричард Уортман, утверждение личного авторитета царя принимало в поведении Николая II и его близкого окружения символическую форму какой-то глубокой психологической регрессии, выразившейся, например, в возвращении к ритуалам двора Алексея Михайловича. Эта традиционалистская реакция замечалась также и в политическом поведении Николая II и даже принимала форму заговора царя против своего собственного государства, как показывает пример его тайных встреч с Маклаковым в 1913 г., о которых не был поставлен в известность даже председатель Совета министров.

Развитие этого предвоенного кризиса было приостановлено благодаря патриотическому подъему в разных слоях общества, вызванному объявлением первой мировой войны. Но вскоре этот процесс только усилился. Летом 1915 г. с новой силой вспыхивает стачечное движение с политическими забастовками рабочих преимущественно металлообрабатывающих предприятий столицы. На этот раз непосредственной причиной забастовок послужил расстрел рабочих в Иваново-Вознесенске и Костроме, протестовавших против вздорожания и нехватки предметов первой необходимости, а также продовольствия.

Летом 1915 г. в результате формирования «Прогрессивного блока» появляется оппозиционно настроенное большинство в Государственной думе. Одной из причин всплеска оппозиции было поражение русской армии в Галиции, при котором обнаружили катастрофические недочеты в его снабжении и снаряжении.

Однако депутаты и представители фракции «Прогрессивного блока» вновь столкнулись из-за того, что программе формирования «министерства общественного доверия», поддержанной большинством «Прогрессивного блока», «прогрессисты» и левые кадеты противопоставили более резкое требование «ответственного министерства». Состав лидеров обеих сторон в этом конфликте, их умонастроения и даже аргументы, приводимые в защиту своей тактической линии (исключение составляли дополнительные сложные обстоятельства, связанные с участием России в мировой войне), во многом напоминали дебаты либеральной оппозиции накануне 1914 г.

Основным аргументом Милюкова на заседании «Прогрессивного блока» и особенно внутри ЦК и на конференциях кадетской партии было то, что в разгар мирового конфликта российская общественность не может себе позволить пойти на резкую конфронтацию с царским режимом, провоцируя тем самым острый политический кризис, который возник бы неизбежно при выдвижении требования «ответственного министерства».

Ответ его оппонентов легко поддается предсказанию. Коновалов (со стороны «прогрессистов»), Некрасов и Мандельштам (от левых кадетов) утверждали, что только при радикальных переменах в политическом строе можно было бы надеяться на мобилизацию и использование всех моральных и физических ресурсов страны, необходимых для успешного ведения войны.

Обе стороны в этих дебатах стояли на своих позициях до самого начала революции 1917 г. Между тем осенью 1915 г. Коновалов, на этот раз совместно с Гучковым, возобновил свои попытки установить контакты и достигнуть согласованности действий с представителями социалистического и рабочего движения. Каналом для проведения таких контактов стали связи Гучкова и Коновалова как председателя и сопредседателя Центрального Военно-промышленного комитета с Рабочей группой этого комитета, в первую очередь с ее руководителями — Гвоздевым и Богдановым. Я подробно изложил характер этих контактов в работе о предреволюционном развитии меньшевизма, намеченной к публикации на русском языке. Поэтому достаточно будет здесь отметить, что связи между лидерами Центрального Военно-промышленного комитета и лидерами его Рабочей группы подготовили почву для формирования блока «революционных оборонцев», которые сыграли значительную роль уже после Февральской революции в создании коалиционного правительства.

Наконец, немалую роль в развитии политического кризиса сыграла дискредитация и дезинтеграция системы объединенного правительства и государственного аппарата, что стало особенно заметно с лета 1915 г., главным образом из-за позиции, на которой стоял сам Николай II и его окружение в проведении государственной политики, в частности, через перемены состава царского правительства. Эта позиция, безусловно, влияла на дальнейшее обострение взаимоотношений между правительством и самим государем и Государственной думой.

Первая мировая война с ее жертвами и страданиями, которые она принесла русскому народу с ее экономическими трудностями, справиться с которыми государственный аппарат не мог и вынужден был обратиться за помощью к добровольным организациям российского общества, конечно, ускорили развитие кризиса во всех сферах жизни страны. Но существовал еще один фактор, который без сомнения сыграл очень большую роль в падении царского режима. Я имею в виду ослабление вооруженных сил, на которые в конечном итоге и опиралась династия. На коллоквиуме 1990 г. В. Ю. Черняев отводил решающую роль восстанию солдат Петроградского гарнизона в победе Февральской революции и, безусловно, он прав. Значение этого восстания не только в том, что солдаты поддержали рабочие демонстрации с оружием в руках, что было невозможно в июльские дни 1914 г. Это вооруженное восстание вместе с рабочими демонстрациями укрепило почти во всех участниках событий убеждение, что революция, которую они со смешанными чувствами или ожидали, или опасались, наконец, действительно началась.

Важность этого фактора во многом объясняет попытки некоторых историков поразмышлять о возможном развитии событий, если бы Россия не была бы втянута в мировую войну. Как я уже заметил, спекуляции такого рода не являются серьезным занятием для историка. И вот почему. Россия являлась неотделимой частью международной системы, которая была втянута в мировой конфликт, и внутренняя ситуация в России в неменьшей степени, чем внутренняя ситуация других втянутых в войну великих держав, явилась одной из причин, позволившей проводить именно такую внешнюю политику накануне

войны. Более того, стоит отметить, что население всех великих держав испытывало, правда, в разной степени и в разных формах, те же страдания, что и население России. В какой-то мере по этой причине все великие державы испытали на себе острые политические и социальные конфликты в конце войны, которые приняли революционный характер в странах, потерпевших поражение, что привело не только к свержению их монархических режимов, но также сопровождалось резкими социальными и политическими столкновениями между рабочим классом и другими слоями населения. Но ни в одной из этих стран политические и социальные конфликты не привели к такому громадному катаклизму, как в России после Октябрьского переворота, масштабы и глубина которого, безусловно, оказали влияние на развитие советского режима.

Таким образом, в динамике развития дореволюционной и революционной России, в эволюции менталитетов участников исторического процесса можно, как мне кажется, проследить бесспорное взаимодействие как долгосрочных, так и более кратковременных факторов, т. е. взаимодействие структур, конъюнктур и событий, что я и попытался сделать в этой статье.

©1993г. 3. ГАЛИЛИ*

МЕНЬШЕВИКИ И ВОПРОС О КОАЛИЦИОННОМ ПРАВИТЕЛЬСТВЕ: ПОЗИЦИЯ «РЕВОЛЮЦИОННЫХ ОБОРОНЦЕВ» И ЕЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ

Меньшевистская партия и коалиционное правительство — понятия неразделимые в истории 1917 г. Ночью 1 мая ** Исполнительный комитет Петроградского Совета принял решение направить пять своих лидеров во второй кабинет Временного правительства — решение, которое стало возможным только тогда и только потому, что меньшевики, члены Исполнительного комитета, отказались от участия в коалиционном правительстве. Вопрос о создании коалиции был главным в меньшевистской политике до прихода большевиков к власти в октябре 1917 г. Он вызывал ожесточенные дебаты не только в период, непосредственно предшествующий появлению коалиции, но и после ее создания, когда фракция «революционных оборонцев» меньшевистской партии защищала решение об участии в коалиционном правительстве от нападок меньшевиков-интернационалистов и большевиков.

Новая форма организации власти, созданная в начале мая, не только не ослабила процесс поляризации общественных сил, но в значительной степени способствовала ухудшению социальной обстановки в стране, особенно среди рабочего класса. Коалиция не только не смогла сохранить «единство живых сил страны», что являлось одной из основных идей в концепции революции, разработанной «революционными оборонцами», но фактически привела к уничтожению этого единства.

Концепция меньшевиков по вопросу власти в буржуазной революции была сформулирована в 1905 г. и не пересматривалась до 1917 г. На I Общероссийской конференции партийных работников, проходившей в Женеве в мае 1905 г., отмечалось, что социал-демократия не должна стремиться ни к захвату власти, ни к участию во временном правительстве, но должна остаться партией

* Галили Зива, профессор Ратгерского университета штата Нью-Джерси (США).

** Здесь и далее даты приводятся по старому стилю.